

**ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИРМЕНСКОЙ ЭПОХИ НА
ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКО-САЛАИРСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ
(1970-е — первая половина 1980-х гг.)**

Данная работа посвящена изучению памятников ирменской археологической культуры (в нашем понимании культурно-исторической общности), имевшей распространение на огромной территории юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы. История изучения ирменских древностей насчитывает уже более 100 лет. В данной статье рассматривается один из этапов изучения данного культурного образования на достаточно ограниченной территории Кузнецко-Салаирской горной области. Данная территория являлась восточной периферией ирменской культурно-исторической общности и контактной зоной двух миров (ирменского и карасукского). Достаточно подробно, с привлечением всех видов источников, анализируется процесс изучения ирменских памятников внутри локальных районов (Северное Присалаирье, Мариинско-Ачинская лесостепь, Кузнецкая котловина). Показана роль в этом процессе таких видных специалистов как В.А. Зах, В.В. Бобров и Д.Г. Савинов.

Ключевые слова: Кузнецко-Салаирская горная область, Северное Присалаирье, Мариинско-Ачинская лесостепь, Кузнецкая котловина, ирменская культура.

К настоящему времени, история изучения ирменских древностей насчитывает уже более 100 лет. Нами были выделены этапы изучения ирменских памятников и дана их подробная характеристика [Ковалевский, 2016]. Данная работа посвящена особенностям третьего этапа изучения ирменских памятников, наступившего в начале 1970-х гг. Рассматривается история изучения памятников на территории Кузнецко-Салаирской горной области (термин предложен В.В. Бобровым), являвшейся восточной периферией ирменского мира в эпоху поздней бронзы (вторая пол. II тыс. до н.э. – нач. I тыс. до н.э.).

Как считает А.И. Мартынов, данный этап развития советской археологии отмечен децентрализацией науки, увеличением количества научных кадров в центре и на местах, открытием кафедр в университетах, научных археологических обществ, созданием научных школ и научных

археологических центров в Поволжье, на Урале, Сибири и на Дальнем Востоке [Мартынов, 2005, с. 47-54]. Изучение памятников эпохи поздней бронзы в различных научных центрах Западной Сибири имело свою региональную специфику. Вместе с тем, наступление нового этапа было связано и с определёнными изменениями представлений исследователей о самой культуре и её хронологии.

Пересмотр нижней границы ирменской культуры Т.Н. Троицкой и некоторыми другими исследователями был связан с удревнением в начале 1970-х годов еловской (еловско-десятовской) культуры, выделенной М.Ф. Косаревым еще в первой половине 1960-х гг. Таким образом, хронологическая позиция ирменской культуры теперь определялась между еловской культурой и культурами начала раннего железного века (большереченской и завьяловской).

В 1970 г. Н.Л. Членова в специальной статье подробно обосновала датировку ирменской культуры VIII-VII вв. до н.э., а для памятников Алтая предложила даже более позднюю датировку, в рамках VII-VI вв. до н.э., на основании анализа т.н. датирующих вещей (бронзовые ножи разных типов, включая позднекарасукские, литейные формы, бронзовые двухлопастные втульчатые наконечники стрел, трёхдырчатые псалии, бронзовое втульчатое копьё с сегментовидными прорезями в пере, кельты) и их аналогий в минусинских, среднеазиатских, иранских, восточно-европейских материалах [Членова, 1970, с. 133-149]. Впоследствии, Н.Л. Членова отмечала, что археологическая конференция в Томске, на которой два доклада (включая её собственный) были посвящены хронологии ирменской культуры, сыграла большое значение, так как позволила специалистам разных регионов увидеть материалы друг друга, убедившись, что они производят раскопки единокультурных памятников [Членова, 1994, с. 8].

Большинство исследователей, в своих публикациях, начиная с первой половины 1970-х гг., приняли название «ирменная культура» и стали датировать её в пределах первых трёх веков I тыс. до н.э. Именно характеристика сибирскими учёными опорных памятников Новосибирского Приобья, как относящихся к ирменной культуре привела к тому, что данная дефиниция стала общеупотребительной и вошла в повседневную практику исследователей древностей Западной Сибири.

Начало нового этапа изучения ирменной культуры на территории Кузнецко-Салаирской горной области можно связать с тремя событиями. Во-первых, в середине 1970-х годов на базе педагогического института был создан Кемеровский государственный университет. Тогда же в его составе была создана кафедра археологии, которую возглавил Анатолий Иванович Мартынов. Во-вторых, в 1973 году был создан Кузбасский отряд Южно-Сибирской археологической экспедиции. Руководителем отряда стал Владимир Васильевич Бобров. Сферой его научных интересов с этого времени, стали памятники эпохи бронзы. В-третьих, в рамках организации новостроечных экспедиций начались широкомасштабные исследования археологических памятников различных исторических эпох. Раскопки производились, в том числе и на памятниках эпохи поздней бронзы.

Памятники эпохи поздней бронзы изучались в пределах трёх физико-географических районов Кузнецко-Салаирской горной области (Северное Присалаирье, Мариинско-Ачинская лесостепь, Кузнецкая котловина). На территории Северного Присалаирья изучением памятников эпохи камня и бронзы занимался Виктор Алексеевич Зах. В течение десяти лет (1974-1984 гг.) им был открыт целый ряд ирменных памятников (Гришкина Рыбалка, Заречное-III, -IIIa, Златоуст-I, Изылы-I, Иня-VIII, Куделька-II, Линёво-I, -V, Родниковое) [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 116; Зах, 1986, с. 94-95; 1990; 1997, с. 13-16, 19; Бобров, Молодин и др., 2000, с. 33].

Выборочно раскапывались ирменские поселения Куделька-II, Заречное-III, Линёво-I. На таких поселениях как Куделька-II и Линёво-I были изучены первые в данном регионе ирменские жилища [Зах,1975; 1977; 1979; 1982; 1983; 1984]. В эти же годы В.А. Захом был частично раскопан могильник Заречное-I [Зах, 1997, с. 72-86].

Исследования памятников эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине и Мариинско-Ачинской лесостепи осуществляли Берчикульский отряд Кузбасской археологической экспедиции и Кузбасский отряд Южносибирской археологической экспедиции КемГУ (руководитель В.В. Бобров), а также экспедиция Ленинградского государственного университета (руководитель Д.Г. Савинов). На территории Мариинско-Ачинской лесостепи Берчикульским, а позднее Кузбасским отрядом был обследован целый ряд поселений эпохи поздней бронзы (Бухтай-I, Рыбхоз, Третьяково-II, Малый Берчикуль, Темра, Усть-Парная, Шестаково-Ia) [Бобров,1977; 1978; 1979; 1980; 1983].

Краткая информация об этих исследованиях опубликована [Бобров, 1976, с. 218-219; 1977, с. 190-191; 1978, с. 208-209; 1987, с. 68-69; 1990, с. 96-99; 1993, с. 119]. Особую роль в этом процессе, безусловно, сыграли исследования, проводившиеся в 1983-85 гг. на поселении Тамбар. Всего было раскопано около 3 тыс. кв. м. Впервые в данном регионе были изучены жилища населения лугавской культуры. Здесь наряду с лугавскими и молчановскими, были получены представительные материалы ирменской культуры, отражённые как в полевых отчётах [Бобров, 1984; 1985; 1986], так и в публикациях [Бобров, 1987, с. 67-70; 1993, с. 118-132; 2002б, с. 73-77; Членова, Бобров, 1991, с. 143-180]. Исследования в данном регионе проводились до середины 1980-х гг. и позволили дать характеристику культурно-историческим процессам

(включая процессы взаимодействия лугавского и ирменского населения), протекавшим здесь в позднем бронзовом веке.

Уже тогда В.В. Бобров сделал вывод о том, что племена ирменской культуры проживали вплоть до пределов р. Кии. Восточнее же ирменские материалы встречаются эпизодически, точно также как и материалы предтагарского времени, характерные для минусинских степей и северных лесостепных районов. Им было высказано предположение, что контактной зоной племен ирменской и позднекарасукской культур, вероятно, была восточная периферия Обь-Чулымского междуречья [Бобров, 1981, с. 12-15].

На территории Кузнецкой котловины, в середине 1970-х гг. объединёнными усилиями экспедиции Ленинградского государственного университета (руководитель Д.Г. Савинов) и отрядом кафедры археологии Кемеровского государственного университета (руководитель В.В. Бобров), был раскопан Титовский курганный могильник [Савинов, Бобров, 1977, с. 240-241; 1978, с. 47-62; 1981, с. 122-135]. Возобновление исследования археологических памятников эпохи поздней бронзы на территории Кузнецкой котловины (после длительного перерыва) стало лишь началом последующего масштабного изучения материалов этого периода.

В ходе археологических разведок, охвативших территорию Кузнецкой котловины, усилиями целого ряда специалистов (В.В. Бобров, Ю.М. Бородкин, В.Н. Добжанский, С.В. Маркин и др.) было открыто около 30 ирменских поселений. Так на территории Верхнего и Среднего Притомья были разведаны городище Люскус, поселения Сухово, Куртуково-I, Казанково-III, Кузедеево-IV. На территории самой Кузнецкой котловины (преимущественно в Промышленновском районе) были исследованы поселения Васьково-I, -II, Портнягино, Промышленная-I, -II, Тарасово-I, Титово-III, Лебеди-I, Лебеди-IV, Усть-Каменка-II и др. Тем не

менее, масштабных раскопок в этот период не проводилось. Можно отметить только небольшие по масштабам рекогносцировочные работы, проводившиеся в 1982-1983 гг. В.В. Бобровым и В.Н. Добжанским на поселениях Лебеди-I и -IV [Бобров, 1990, с. 99-100].

Одним из первых крупных поселений, исследованных на территории Среднего Притомья, стало городище Люскус, располагавшееся в устье небольшой р. Люскус, на правом берегу р. Томи. Памятник осматривался и исследовался в 1971-1975 гг. А.И. Мартыновым, А.В. Циркиным, Г.А. Максименковым [Бобров, Бородкин, 1979; Кулемзин, Бородкин, 1989]. В 1976-1978 гг. небольшие по масштабам раскопки на данном памятнике (более 300 кв. м.) были проведены В.В. Бобровым. Люскус стал первым раскопанным городищем позднего бронзового века на территории Среднего Притомья [Бобров, 1979, с. 47-59; 1990, с. 99; 2011, с. 65-68].

Стоит упомянуть и о раскопках целого ряда поселений переходного времени от бронзы к железу (Курья-I, -II, -IV, -VI, Лачиново-I, -II, Глинка, Кыргай-I, -II) на восточной периферии Кузнецкой котловины. Данные исследования были проведены археологами Кемеровского государственного университета (Г.С. Мартыновой, В.М. Любченко, А.Н. Садовым, А.М. Коротаевым, А.В. Циркиным, Н.М. Зиняковым) в 1982-1987 гг. [Бобров, 1990, с. 101-102]. Важность изучения данных поселений заключается в том, что они содержали материалы позднеирменского времени и демонстрировали пути трансформации ирменского предметного комплекса.

Можно сделать вывод о том, что именно на протяжении изучаемого периода (1970-е – первая половина 1980-х гг.) изучение памятников эпохи поздней бронзы на территории Кузнецко-Салаирской горной области стало проводиться систематически. Во многом это было связано с научной

тематикой В.В. Боброва и В.А. Заха, занимавшихся изучением бронзового века этого региона.

По итогам изучения Титовского могильника Д.Г. Савинов и В.В. Бобров сделали ряд выводов, определивших на годы вперед восприятие научным сообществом ирменской культуры Кузнецкой котловины. Так специалистами была определена роль андроновского компонента в формировании ирменских древностей, выразившаяся в погребальном обряде (наличие деревянных могильных конструкций, ЮЗ ориентация погребённых), орнаментации посуды (треугольник вершинами вверх, ленты, зигзаги), формах бронзовых украшений (бронзовые браслеты с «шишечками» на концах). Была установлена и роль карасукского компонента, проявляющаяся в обряде погребения (наличие каменных конструкций), формах и орнаментации керамики (сосуды с округлым дном, орнаментация в виде гирлянд и нескольких рядов треугольников). Д.Г. Савинов и В.В. Бобров сделали вывод о том, что карасукские черты в ирменском погребальном обряде следует рассматривать как результат миграции какой-то части карасукского населения из Минусинской котловины на запад [Савинов, Бобров, 1978, с. 47-62].

В первой публикации материалов Титовского могильника [Савинов, Бобров, 1978, с. 61], Д.Г. Савинов и В.В. Бобров сделали вывод, что на данном этапе изучения ирменских древностей не целесообразно выделять тот или иной локальный вариант. Необходимо в материалах каждого памятника выявлять этнокультурные компоненты. Такие компоненты (андоновский и карасукский) были выделены исследователями и в составе Титовского могильника.

Было высказано мнение о том, что если по проявлению андроновского компонента ирменские памятники достаточно однородны, то по наличию и форме карасукского компонента их можно разделить на

две территории (находившийся в зоне влияния карасукской культуры Верхнеобской регион, куда входили южная часть Новосибирского Приобья и бассейн р. Иня; северная часть Новосибирского и Томское Приобье, где влияние карасукской культуры проявлялось слабее) [Савинов, Бобров, 1978, с. 61]. Проведённое Б.Н. Пяткиным спектральное изучение металла, из которого были изготовлены бронзовые предметы, обнаруженные в могильнике Титово, показало его карасукское происхождение [Пяткин, 1978, с. 63-65].

В более поздней публикации специалисты сделали вывод, что предметы из могильника Титово, имеющие аналогии в материалах карасукской культуры не были их точной копией. Они изготовлены уже в местной среде. Поэтому видеть в них последствия миграции карасукского населения (о чём писалось ранее) не верно. Скорее речь должна идти не о последствиях миграции, а о диффузии. Кроме того, Д.Г. Савиновым и В.В. Бобровым было отмечено, что исследуемые вещи имеют аналогии не в собственно карасукских, а в более поздних каменнолоужских (по периодизации М.П. Грязнова) материалах. Предполагалось, что позднее карасукское население было вытеснено с территории Хакасско-Минусинской котловины раннетагарскими племенами на территорию Кузнецкой котловины. Памятник был отнесён к инскому варианту ирменской культуры и датирован в пределах IX-VII вв. до н.э. Исследователями был сделан вывод, о том, что «ирменская культура в окончательном виде могла сложиться не раньше VIII-VII вв. до н.э.» [Савинов, Бобров, 1981, с. 134-135].

Определённым итогом изучения ирменской культуры на востоке ирменского ареала в исследуемый период стала статья В.В. Боброва «Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья». В этой статье, говоря о происхождении ирменской культуры, В.В. Бобров допускает

мысль, что на территории Кузнецкой котловины процесс смены андроновского населения ирменским был достаточно быстрым. Также им был поставлен вопрос о своеобразии ирменского населения этого региона [Бобров, 1985, с. 30].

Библиографический список

Архивные источники:

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Берчикульского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 6873. – Кемерово, 1977.

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Берчикульского отряда Южносибирской археологической экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 6739. – Кемерово, 1978.

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Кузбасского отряда Южносибирской археологической экспедиции в 1978 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 7309. – Кемерово, 1979.

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Кузбасского отряда Южносибирской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 7710. – Кемерово, 1980.

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Кузбасского отряда Южносибирской археологической экспедиции в 1982 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 9210. – Кемерово, 1983.

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Кузбасского отряда Южносибирской археологической экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 12469. – Кемерово, 1984.

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Кузбасского отряда Южносибирской археологической экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 9463. – Кемерово, 1985.

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Кузбасского отряда Южносибирской археологической экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 10836. – Кемерово, 1986.

Зах В.А. Отчёт о работах Ордынского отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1974 году // Архив ИА РАН. Р. I, № 5883. – Новосибирск, 1975.

Зах В.А. Отчёт о работе Тогучинского и Северо-Кулундинского отрядов Новосибирской археологической экспедиции в 1976 году // Архив ИА РАН. Р. I, № 6335. – Новосибирск, 1977.

Зах В.А. Отчёт за 1978 год // Архив ИА РАН. Р. I, № 7319. – Новосибирск, 1979.

Зах В.А. Отчёт о работах Тогучинского отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1981 году // Архив ИА РАН. Р. I, № 9329. – Новосибирск, 1982.

Зах В.А. Отчёт о работе Тогучинского отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1983 году // Архив ИА РАН. Р. I, № 9949. – Тюмень, 1983.

Зах В.А. Отчёт о работе Аманадской археологической экспедиции в Тюменской области и на р. Ине в Новосибирской области в 1984 году // Архив ИА РАН. Р. I, № 10339. – Тюмень, 1984.

Литература:

- Бобров В.В. Исследования в Кемеровской области // Археологические открытия 1975 года. – М., 1976. – С. 218-219.
- Бобров В.В. Исследования Берчикульского отряда Кузбасской экспедиции // Археологические открытия 1976 года. – М., 1977. – С. 190-191.
- Бобров В.В. Раскопки памятников на о. Большой Берчикуль и р. Томи // Археологические открытия 1977 года. – М., 1978. – С. 208-209.
- Бобров В.В. Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1979. – С. 47-59.
- Бобров В.В. Проблемы археологии Обь-Чулымского Междуречья // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: АН СССР, 1981. Вып. 3. – С. 12-15.
- Бобров В.В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985. – С. 28-36.
- Бобров В.В. Раскопки поселения эпохи бронзы в Обь-Чулымском междуречье // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Сб. науч. трудов. – Новосибирск, 1987. – С. 67-70.
- Бобров В.В. История археологического изучения эпохи бронзы в Обь-Чулымском междуречье // История археологических исследований Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1990. – С. 91-105.
- Бобров В.В. Жилища лугавской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи // Культура народов Евразийских степей в древности. – Барнаул: АГУ, 1993. – С. 118-132.
- Бобров В.В. Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. № 1 (45). – С. 65-68.
- Бобров В.В., Бородкин Ю.М. Разведка в Кемеровской области // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. – С. 210-211.
- Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 2000. – 101 с.
- Зах В.А. Линево-1 — памятник переходного времени от бронзы к железу // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 1986. – С. 94-95.
- Зах В.А. Неолит и бронзовый век Присалаирья : Автореф. дис... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 19 с.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. – 132 с.
- Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции : Автореф. дис... докт. ист. наук. – Барнаул, 2016. – 43 с.
- Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. I. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. – 158 с.
- Мартынов А.И. Археология: Учебник. — 5-е изд., перераб. – М.: Высшая школа, 2005. – 447 с.: ил.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Новый памятник ирменской культуры в Кемеровской области // Археологические открытия 1976 г. – М., 1977. – С. 240-241.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 47-62.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С.122-135.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во Наука, Сибирское отделение, 1980. – 184 с.

Членова Н.Л. Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С.133-149.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Наука, 1994. – 170 с.

Членова Н.Л., Бобров В.В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. – М.: Наука, 1991. – С. 143-180.

S. A. Kovalevsky

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

STUDYING OF MONUMENTS OF THE IRMENS ERA IN THE TERRITORY OF THE KUZNETSK AND SALAIRSKY MOUNTAIN AREA (The 1970th — the first half of the 1980th)

The work is devoted to study of monument of archeologic Irmens' Culture (in our understanding of cultural and historical community) existed distribution in the huge territory of the South of Western Siberia during an era of late bronze. Study history of Irmens' ages contains more than 100 years. In the article one of stages of study of this cultural formation on rather limited territory of the Kuznetsk and Salair mountain area is considered. This territory was east periphery of Irmens' cultural and historical community and a contact selvage of two worlds (irmensky and karasuksky). In reasonable detail, with attraction of all types of sources, study process of Irmens' monuments in local areas is analyzed (the Northern Prisaalairye, the Mariinsk and Achinsk forest-steppe, the Kuznetsk hollow). The role in the process of such prominent experts as V.A. Zakh, V.V. Bobrov and D.G. Savinov is shown.

Key words: the Kuznetsk and Salair mountain area, the Northern Prisaalairye, the Mariinsk and Achinsk forest-steppe, the Kuznetsk hollow, Irmens' Culture.